

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ «КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фся Альп
Первые ласточки

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Первые
ласточки

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Burstenbinder
FRÜHLINGSBOTEN

Перевод с немецкого *В. Зиновьева*
Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.
В35 Первые ласточки / Элизабет Вернер ; [пер. с нем.
В. Е. Зиновьева]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 288 с. — (Colombina. Серия бестселлеров
о любви).

ISBN 978-5-699-85187-4

Любовь пришла к ним с раннею весной. Такая же страстная и смелая, как первый полет ласточек. С первого взгляда на девушку Эдмунд понял, что никогда не расстанется с прекрасной Гедвигой. Но как им быть вместе, если с давних пор их семьи ведут междоусобную войну?! Как поступить, чтобы совместное счастье оказалось возможным?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-85187-4

© Зиновьев В., перевод на русский
язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Глава 1

— **И**вы называете это весной! Метель все сильнее и сильнее, а тут еще этот «приятный» северо-восточный ветер. Дует с такой силой, словно хочет перевернуть карету. Черт-те что!

В самом деле, почтовая карета, пассажир которой ругался на погоду, не зная, на кого еще обрушить свою ярость, еле ползла по глубокому снегу. Несмотря на все усилия кучера, лошади шли почти шагом, и пассажиры кареты почти потеряли терпение.

Тому из них, кто был помоложе, одетому в очень элегантный, но слишком легкий для такой погоды костюм, едва ли исполнилось двадцать четыре. Его темные глаза сверкали настоящей отвагой или, скорее, молодецким задором и так смело взирали на божий мир, что сразу становилось ясно: никакая тень еще не омрачала чело этого юноши. Красивые черты лица говорили о благородном происхождении. Да и во всей его внешности имелось что-то удивительно

привлекательное. Но молодой путешественник чрезвычайно нетерпеливо относился к тяготам путешествия и всевозможными способами выражал свое недовольство.

Тем равнодушнее казался его спутник, который, закутавшись в серый плащ, примостился в другом углу экипажа. Он был, по-видимому, несколькими годами старше, но в его внешности не было ничего привлекательного. Его лицо выглядело неприятным: хотя черты и могли претендовать на красоту или правильность, но в них было что-то отталкивающее. Глубокая горечь и суровость тяжелых жизненных испытаний еще не могли быть присущи его возрасту, и все же, несомненно, на его лице лежал отпечаток чего-то, что делало его старше, чем на самом деле. Густые темные волосы гармонировали с такими же темными бровями, но его глаза были того неопределенного цвета, который, как правило, не считается красивым. И в них действительно не было ничего привлекательного, никакой жизнерадостности, никакой мечтательности или страстности, которыми обычно так богата юность. Холодный, безрадостный взгляд, как и вся внешность молодого человека, поражали своей суровостью.

До сих пор он спокойно глядел на метель; теперь же обернулся и ответил на нетерпеливое восклицание своего спутника:

— Ты забываешь, Эдмунд, что мы не в Италии. В наших широтах, да еще здесь, в горах, март полностью принадлежит зиме.

— Моя дивная Италия! Мы оставили ее в солнечных лучах, в цвету, а здесь, на родине, нас встречает снежная буря прямо с Северного полюса! В этом климате ты, очевидно, чувствуешь себя превосходно. Да и все путешествие на юг было для тебя только неприятной обузой. Не отрицай, Освальд, ты с большим удовольствием остался бы дома со своими книгами.

Освальд пожал плечами:

— О том, чего бы я желал или не желал, не было вообще речи. Ты не должен был ехать без провожатого, поэтому пришлось просто подчиниться необходимости.

— Да, ты был приставлен ко мне в качестве ментора, — расхохотался Эдмунд, — с высочайшим поручением надзирать за мной и в случае нужды обуздать.

— Что мне совершенно не удалось. Ты достаточно-таки наделал глупостей.

— К чему вообще молодость и богатство, если нельзя наслаждаться жизнью! Положим, я проделывал это один. Да, Освальд, ты не был хорошим товарищем. Почему ты так упрямо и мрачно замыкался в себе?

— Потому что знал: то, что дозволено владельцу майората, графу Эттерсбергу, или, в край-

нем случае, будет прощено ему лишь с нежным упреком, мне будет инкриминировано как тяжкое преступление, — сухо возразил Освальд.

— Да нет, неправда! — воскликнул Эдмунд. — Ты ведь великолепно знаешь, что в любом случае всю ответственность за нас обоих я взял бы на себя. Конечно, я и так беру всю вину на себя лично. Ну, приговор относительно меня не будет слишком строг, но вот когда ты по возвращении выскажешь свои планы на будущее, то тебе не миновать жестокой бури.

— Я знаю это.

— И на этот раз я не буду на твоей стороне, как тогда, когда ты так решительно отказался от военной службы, — продолжал молодой граф. — Тогда я помог тебе, так как думал, что ты поступишь на гражданскую службу. Мы все так думали, а ты вдруг ни с того ни с сего являешься со своей безумной идеей.

— Идея далеко не так безумна и не так нова, как ты полагаешь. У меня она созрела еще тогда, когда я вместе с тобой поступил в университет. Я делал все, чтобы моя мечта осуществилась, но хотел избавиться от долголетних и бесполезных споров, поэтому и молчал до сих пор; сейчас же все должно решиться.

— А я говорю тебе, что ты заставишь возмутиться всю семью. Да это действительно неслыханное дело. Один из Эттерсбергов — адвокат,

защищающий первого попавшегося вора или мошенника! Мать никогда не согласится на это и будет совершенно права. Когда ты поступишь на гражданскую службу...

— То пройдут годы, пока я осилю первые ступени, — переубедил его Освальд, — а до тех пор я буду полностью зависеть от тебя и твоей матери.

В тоне последних слов было столько горечи, что Эдмунд подскочил на месте.

— Освальд! Разве я когда-нибудь давал тебе почувствовать это?

— Ты — нет, но именно поэтому я сильнее чувствую это.

— Ну, здесь мы опять на мертвой точке; ты можешь выкинуть самую нелепую штуку, лишь бы избавиться от этой так называемой зависимости. Но что это значит? Почему остановилась карета? Право, мне кажется, что мы совсем застряли в снегу.

Тем временем Освальд уже успел опустить окно кареты и высунуться из него.

— Что случилось? — спросил он.

— Не проехать, — последовал равнодушный ответ почтальона, находившего такое положение вещей весьма естественным.

— Не проехать! — с гневной усмешкой повторил Эдмунд. — И этот господин объявляет

нам это с таким философским спокойствием! Итак, мы застряли. Что же дальше?

Освальд ничего не ответил, но открыл дверцу и вышел из кареты. Положение, в котором очутились путешественники, можно было оценить одним взглядом; приятным его, во всяком случае, назвать было нельзя. Дорога спускалась в этом месте довольно круто в сторону, и узкий горный проход, который надо было проехать, был совершенно занесен снегом, так что продвижение вперед казалось совершенно невозможным. Кучер и лошади, по-видимому, прекрасно поняли это, потому что последние стояли, понуро склонив головы, а кучер бросил вожжи и так смотрел на своих пассажиров, словно ждал от них ответа или помощи.

— Эта проклятая срочная почта! — воскликнул Эдмунд, последовавший за своим спутником. — Почему мы не велели выслать нам собственных лошадей! Теперь мы ни за что не попадем в Эттерсберг до наступления сумерек. Кучер, нам необходимо ехать!

— Никак не возможно, — с невозмутимым спокойствием объявил тот. — Господа и сами понимают это.

Молодой граф намеревался было выругаться, однако Освальд взял его за руку и произнес:

— Он прав. Проехать действительно невозможно; с двумя лошадьми здесь ничего не подела-

ешь. Нам ничего не остается, как отправить почтальона до ближайшей станции еще за парой лошадей и подождать здесь, в карете, пока он вернется.

— Чтобы тем временем нас здесь совсем занесло снегом? В таком случае я предпочитаю пешком отправиться на почтовую станцию.

Освальд оценивающим взглядом окинул дорожный костюм своего спутника, больше пригодный для железнодорожного купе или удобного экипажа.

— В этом костюме ты хочешь пройти по лесу, где на каждом шагу можно по колени завязнуть в сугробах? Да и вообще ты простудишься здесь на резком ветру. Возьми мой плащ!

С этими словами он снял с себя плащ и накинул его на плечи графа, энергично, но тщетно пробовавшего сопротивляться.

— Оставь, а то ты окажешься совершенно не защищенным от метели.

— Мне это не повредит. Я не неженка.

— По-твоему, я неженка? — спросил задетый за живое Эдмунд.

— Нет, ты только избалован! Но теперь в любом случае необходимо принять какое-нибудь решение. Или мы останемся в карете и отправим почтальона, или попытаемся идти дальше пешком. Решай скорее, что будем делать.

— Ах, если бы ты не был так ужасно категоричен! — со вздохом промолвил Эдмунд. —

Ты постоянно ставишь передо мной эти «или — или». Разве я знаю, можно ли пройти пешком?

Здесь разговор был прерван. Невдалеке слышалось фыркание лошадей, и сквозь туман и завесу падающего снега можно было различить вторую карету. Сильные животные сравнительно легко преодолевали трудности пути, но и они вынуждены были здесь остановиться. Кучер потянул вожжи, посмотрел, покачав головой, на препятствие и нагнулся к окну кареты. Его сообщение, по-видимому, было немногим более утешительно, чем сообщение почтальона, и принято так же нетерпеливо, потому что звонкий молодой голос, отвечавший ему, звучал сердито:

— Как бы то ни было, Антон, мы должны проехать.

— Но что же делать, барышня, если проехать нельзя!

— Глупости! Это необходимо. Я сейчас посмотрю сама.

Дверца кареты открылась, и из нее выскочила очень молоденькая барышня. Очевидно, она была прекрасно знакома с мартовской погодой в горах, так как ее костюм был совсем зимний. Опушенный мехом жакет облегал стройную фигуру в темном дорожном платье, и густая вуаль, прикрепленная к шляпе, почти совсем закутывала голову. Казалось, ее очень мало трогало,

что она почти по щиколотки утопала в мягком снегу; она храбро сделала несколько шагов вперед, но остановилась, заметив впереди себя другую карету.

Оба мужчины также обратили на нее свое внимание. Правда, Освальд бросил лишь беглый взгляд на вновь прибывших и все свое внимание снова обратил на свое критическое положение, зато Эдмунд сразу потерял к нему всякий интерес. Предоставив все своему спутнику, он в следующее мгновение очутился возле незнакомки и среди снежных сугробов поклонился столь безупречно, словно находился в салоне.

— Простите, сударыня, но, как я вижу, не только нас настигла эта несравненная весенняя погода. Все-таки, знаете, утешительно иметь товарищей по несчастью, а так как нам угрожает, очевидно, одинаковая опасность быть засыпанными здесь снегом, то вы, надеюсь, разрешите предложить вам наши услуги.

Граф Эттерсберг при этом совсем забыл, что он и Освальд сами были совершенно беспомощны. На беду, его поймали на слове, так как барышня, нисколько не смущаясь, тотчас же заявила своим прежним уверенным тоном:

— В таком случае, будьте добры, проложите нам дорогу в снегу!

— Я? — спросил изумленный Эдмунд. — Я должен?..

— Проложить нам дорогу в снегу!

— С величайшим удовольствием, сударыня, если бы вы объяснили, с чего мне начать.

Маленькая ножка с нетерпением топнула по земле, и не менее нетерпеливо прозвучал ответ:

— Я думала, что, предлагая мне свою помощь, вы уже знали, как это сделать. Во всяком случае, нам во что бы то ни стало необходимо проехать.

С этими словами говорившая откинула вуаль, чтобы осмотреть местность. Но то, что скрывалось под темно-синей тканью, было так необыкновенно прекрасно, что Эдмунд забыл свой ответ. И действительно, едва ли можно было увидеть более очаровательное зрелище, чем разрумяненное морозом личико этой девушки. Ее темно-каштановые волосы шаловливыми кудрями упрямо выбивались из-под шелковой сетки, тщетно старавшейся удержать их. В темно-синих глубоких глазах совершенно не было того спокойствия и кротости, каких обычно от них ожидают; они сверкали скорее смелым задором, обычно присущим только счастливой юности. Когда она смеялась, на ее щечках образовывались очаровательные ямочки, но вокруг маленького ротика ложилась морщинка, несомненно указывавшая на упрямство, а немного запрокинутая назад головка ясно давала понять, сколько в ней скрывалось всяких причуд

и капризов. Но, может быть, это и было как раз то, что придавало этому личику своеобразное очарование и приковывало к нему восхищенные взоры.

От девушки, конечно, не ускользнуло восхищение, произведенное ею, и на ее устах мелькнула легкая улыбка. Впрочем, изумление Эдмунда продолжалось недолго. Смущение и застенчивость никогда не были его пороками, и он уже хотел рассыпаться в комплиментах, как Освальд перебил его.

— Все затруднения мы сможем преодолеть, — с легким поклоном промолвил он. — Если вы, сударыня, разрешите припрячь ваших лошадей впереди наших, то можно будет переправить сперва нашу карету, а затем таким же способом ваш экипаж.

— Необыкновенно практично! — с досадой воскликнул Эдмунд, чрезвычайно рассердившись на то, что ему не дали договорить комплименты.

Но и девушка была, по-видимому, поражена тем сухим тоном, каким было сделано предложение. В высшей степени непрактичное изумление графа Эттерсберга ей было, очевидно, гораздо приятнее, чем практичное равнодушие его спутника.

— Распоряжайтесь, пожалуйста, как вам угодно, — так же сухо ответила она и приказала